

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. «Путник» Иоанна Тобольского (Максимовича). <i>Частный человек на фоне сотворения империи</i>	129
Мария Начинкова. <i>Mise en abyme</i> в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	154
Екатерина Косова. К. К. Случевский и В. Ф. Ходасевич. <i>Генезис смежных образов и мотивов</i>	171
Владимир Турчаненко. Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы	189
Роман Тименчик. Нимфа Эхо у Ахматовой	210
Анна Алцибеева. Сценарий как законченное произведение. Повесть «Пикник на обочине» и сценарий «Машина желаний» А. Н. и Б. Н. Стругацких	232

2021 XVII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnáá škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Alexey Popovich. John of Tobolsk (Maksymowicz)'s Journey. <i>A Private Person in the Background of the Creation of the Empire</i>	129
Mariia Nachinkova. <i>Mise en abyme</i> in Ivan Goncharov's Novel The Precipice	154
Ekaterina Kosova. Konstantin Sluchevsky and Vladislav Khodasevich. <i>Genesis of Related Images and Motives</i>	171
Vladimir Turchanenko. A Discussion About the Pushkin Encyclopedia in the 1930s	189
Roman Timenchik. The Nymph <i>Echo</i> in Akhmatova's Poetry	210
Anna Altsibeeva. The Scenario as a Completed Work. <i>Roadside Picnic</i> and <i>The Machine of Wishes Scenario</i> by A. N. and B. N. Strugatsky	232

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

РОМАН ТИМЕНЧИК
(Иерусалим)

НИМФА ЭХО У АХМАТОВОЙ

Рассматривается развертывание мотива из античной мифологии «Нарцисс и Эхо» на всем протяжении творчества Ахматовой и на фоне обращения к нему у ее современников.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Нарцисс, Эхо, Ксавер Шаффготш.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор Еврейского университета, Иерусалим, Израиль.

E-mail: suzirom@gmail.com

The Nymph Echo in Akhmatova's Poetry

The evolution of the motive of Echo and Narcissus taken from the antique mythology is considered throughout the complete creative work of Akhmatova against the background of the poetry of her contemporaries.

Keywords: Anna Akhmatova, Narcissus, Echo, Xaver Schaffgotsch.

Information about the author: Roman Timenchik, Professor (emeritus) of Hebrew University, Jerusalem, Israel.

E-mail: suzirom@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-2-210-231

В последний год своей жизни Ахматова записала:

Первая книга должна была называться «Могила Эхо», а вторая («Четки») — «Antos erates» («Любовный цветок»).

Случайно узнала, что в Вене в 65 г. вышел мой сборник по-немецки «Das Echo tönt».¹

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указ. В. А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 429. (Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках в тексте с указанием номера страницы.) Оба заглавия взяты с двух концов одного семантического поля: жертва героя, обращенного в цветок, и коллекция стихотворений как антология т.е. собрание цветов (*Florilegium*), как в 1913 году назвал свой сборник Алексей Ефременков) — см.: *Seaton B. Towards a Historical Semiotics of Literary Flower Personification // Poetics Today. 1989. Vol. 10. No. 4. P. 682, 684.*

В последующих набросках к автобиблиографии она исправила ошибку — книга вышла в Германии¹:

Стихотворный сборник в Висбадене (перевод прод<анный> «Межд<ународной> книгой») (С. 435);

В Германии (Висбаден) большой том стих<отворений>... (С. 438);

Переводы. (<...> Висбаден, «Межд<ународная> книга») (С. 440);

Австрия [В Вене] Сборник «Эхо звучит». Готов. «Das Echo tönt» с рис<унком> Модильяни (С. 609);

Нем<ецкий> сбор<ик> через Межд<ународную> книгу» (С. 641).

Постепенно прояснялось и трудно запоминаемое имя переводчика: «Немецкий — Xaver» (с. 418); «“Das Echo tönt” — на суперобложке *Ausgewählte Gedichte — Limes. Wiesbaden, пер<евод> Xaver Schaffgotsch. 1964.* (С краткой автобиографией)» (с. 631); «Германия “Das Echo tönt” — 1964. (Пер <евод> Xaver...)» (с. 637); «“Das Echo tönt”. 1965. Wiesbaden. Пер<евод> Xaver Schaffgotsch» (с. 659).

Неверная локация поначалу возникла, вероятно, из устного сообщения работников всесоюзного торгового объединения «Международная книга», ведавших юридическими сделками, относящимися к переводам советских

¹ *Achmatowa A. Das Echo tönt / Ausgewählt und übertragen von Xaver Schaffgotsch; Limes Verlag, Wiesbaden, 1964.* Ср.: «Под названием “Эхо звучит” в Висбадене (ФРГ) в издательстве “Лимме ферлаг” вышел сборник стихов Анны Ахматовой» (На всех языках// Иностранная литература. 1965. № 7. С. 270). Предисловие гласило: «Von den bedeutenden Dichtern des “Silbernen Zeitalters” der russischen Literatur (das heißt, der um die Jahrhundertwende “kommenden” Generation) ist nach dem frühen Tode Alexander Blocks (1921), dem tragischen Ende Sergej Jessenins (1925) und Wladimir Majakowskij (1930), dem bis heute noch nicht aufgeklärten Untergang Ossip Mandelstams (1940?) und Boris Pasternaks Hinscheiden (1960) Anna Achmatowa die einzige große Dichterin, die die schweren Jahre der Revolution und des Bürgerkrieges, der Not und der persönlichen Anfeindungen ungebrochen überstanden hat und aus diesem Leid als die ebenbürtige Gefährtin ihrer einstigen Weggenossen in der Dichtkunst hervorgegangen ist. Die junge Generation in der Heimat der Dichterin erkennt Anna Achmatowa unbestritten das Zepter der Dichtkunst zu und erblickt in ihr ein noch unerreichtes Vorbild. Anna Achmatowa ist in Rußland geblieben» (S. 9).

авторов,¹ потому, что переводчик был австриец и жил в Зальцбурге. Это граф Франц Ксавер Шаффготш (1890–1979), один год пробывший спутником жизни Милены Есенской (до того — возлюбленной Франца Кафки), который попал австрийским офицером в русский плен, провел в России годы революции и гражданской войны, трудился грузчиком в Одесском порту и склонялся в 1920-е годы к коммунизму. Милена говорила, что он был не типовой аристократ, а наоборот — аристократический аутсайдер.² Книжка ахматовских переводов, как представляется, особенного успеха не имела. Влиятельный гамбургский еженедельник писал:

Хотя пятнадцать стихотворений, вошедшие в этот томик, и дают определенное представление об известном до сих пор наследии Анны Ахматовой в безупречных переводах, пытающихся воспроизвести рифму и размер русского оригинала, однако помимо ощутимых стилистических недостатков они выдают столь неуверенное чувство ритма, что копии похожи на оригинал, как инфантильность похожа на детство. Есть немногие исключения, но сожалеть приходится о столь многом, что лучше бы и целого не существовало.³

Первый сборник 1912 года, припомнившийся по ассоциации с висбаденским титулом, получил в конце концов менее броское название — «Вечер», вполне привычное в русской титрологии этих лет (например, за год до того им воспользовался (малопроясненный пока) Петр Полак⁴).

¹ Ср. записи: «Б7-34-06 Нат<алии> Ив<ановне> (о Висбадене)» (с. 440); «Звоню — Нат<алии> Ив<ановне> — о “Межд<ународной> книге”» (с. 442); «Нат<алии> Ив<ановне> (о Межд<ународной> книге)» (с. 448) — речь, возможно, идет о Н. И. Столяровой (?).

² *Buber-Neumann M. Mistress to Kafka: The Life and Death of Milena.* London, 1966. P. 95.

³ *Braun R. Dialog mit der Vergangenheit. Die Dichterin Anna Achmatowa // Die Zeit.* 1965. 9 April.

⁴ *Полак П. Вечер: Книга стихов.* М.: «Порывы» В. П. Португалов, 1911. На задней обложке анонсировано: «Петр Полак. Утро: Вторая книга стихов». Ср.: «Петр Полак. Когда подолгу роешься в старых книжках, как в кладовой времени, то иногда происходит что-то мистическое — какой-нибудь сборничек вдруг протискивается из-под спуда, прорывается сквозь грудь придавивших его других книжек и пыльным шепотом просит — не забудь. Так было и с книжкой Петра Полака “Вечер” (1911 г.), о котором — честно признаюсь — я и слыхом раньше не слыхивал. Составитель антологии просит читателей “Огонька” сообщить любые сведения об этом позабытом, но далеко не бесталанном поэте

Пара Нарцисс-Эхо была после «Метаморфоз» Овидия постоянным предметом европейской культуры,¹ несколько поблекшим к началу двадцатого века, хотя мужской персонаж еще владел воображением Оскара Уайльда, Андре Жида, Рильке, Поля Валери,² Анри де Ренье («L'allusion à Narcisse» которого начинал переводить Иннокентий Анненский³), а затем и венских психоаналитиков.

В русской поэзии одним из первых, видимо, ввел Нарцисса в стих Антиох Кантемир в сатире II «На зависть и гордость дворян злонравных», и, как он объяснял, «Нарцисс, по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблялись. В жаркие летние дни приклонився он в колодезь напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер».⁴

В начале XX века обновленное внимание и симпатии русского читателя к этому персонажу привлекли стихи Бальмонта, написанные, видимо, вослед упоминанию у его любимого

(Поэтическая антология. Русская муза XX века // Огонек. 1988. № 31. С. 17); «Петр Полак 1882(?) — (?). Автор стихотворного сборника “Вечер” (1911), целиком выдержанного в традициях “когда-то, где-то, что-то...”, а проще говоря — декаданса в салонном варианте; сборник, однако, отмечен немалым дарованием автора, сведений о котором пока не отыскалось. Его стихи охотно перепечатывал “Чтец-декламатор”» (Строфы века. Антология русской поэзии XX века / Сост. Е. Евтушенко. Минск, М., 1995. С. 105). Через два года после выхода ахматовского сборника Владимир Пяст писал о книге Поликсены Соловьевой: «Название “Вечер”, конечно, гораздо более подходит к этой величавой книжке, чем к одноименному сборнику другой поэтессы, А. Ахматовой, первый свой сборник так озаглавившей» (Пяст В. Рец. на кн.: Соловьева П. Вечер: Стихи. СПб.: Тропинка, 1914 // Отклики. 1914. 22 февраля).

¹ См. основательную монографию: *Vinge L. The Narcissus Theme in Western European Literature up to the Early 19th Century.* Lund, 1967.

² См.: *Krumbiegel-Esselborn H. Das Narziß-Thema in der symbolistischen Lyrik // Arcadia.* 1980. Vol. 15. P. 278–294. Перевод стихотворения «Нарцисс говорит»: *Валери П.* Избранные стихотворения / Пер. с франц. Р. Дубровкина. М., 1992. С. 17–18.

³ *Тименчик Р. Д.* О составе сборника Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец» // Вопросы литературы. 1978. № 8. С. 307–315. Ср.: «Из А. де Ренье. Из книги «Les jeux rustiques et divins, 1. Намек о Нарциссе» в: *Крачковский Д.* Палитра: Стихи. Пг.: Тип. А. Лавров и Ко, 1917. С. 88.

⁴ *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 82 («Библиотека поэта. Большая серия»).

Шелли¹ и подключавшиеся через эпиграф из Кальдерона («воздух и цветок» — т.е. Эхо и Нарцисс²) к мировой поэтической традиции:

НАРЦИСС И ЭХО

Aire y flor... Calderon.

Цветок, и воздух, смущенный эхом,
То полный плачем, то полный смехом.
Цветок нарцисса, и звук заветный,
Ответом вставший, но безответный,

Над глубиью водной, мертво-зеркальной,
Бесплодно стынет цветок печальный,
Своим обманут прекрасным ликом,
Не внемля внешним мольбам и крикам.

А звук заветный, хотя и внешний,
Навек пронизан тоской нездешней,
Ревнует, молит, грозит, пророчит,
И вот рыдает, и вот хохочет.

Но нет слиянья для двух прекрасных,
Мы розно стынем в терзаниях страстных.
И гаснут звуки, и ясны воды
В бездушном царстве глухой Природы.³

¹ And narcissi, the fairest among them all,
Who gaze on their eyes in the stream's recess,
Till they die of their own dear loveliness.
(The Sensitive Plant, 1820)

В переводе Бальмонта:
И дивный красавец, влюбленный Нарцисс,
Расцвел над ручьем и глядит на себя,
Пока не умрет, бесконечно любя.
(«Мимоза», 1892)

² «...aire y flor entrambos siendo» — из пьесы Кальдерона «Эхо и Нарцисс» (*Eco y Narciso*, 1661), где юноша, разрушенный любовью к своей красоте и ненавистью к голосу, который вторил его отчаянью, обращен в цветок, а нимфа превращается в воздух, когда ее пытается обнять влюбленный пастух.

³ *Бальмонт К. Д.* Полн. собр. стихов. Изд. 4-е. М.: Скорпион, 1912. Т. 3: Будем как солнце. С. 88. Ср. также: «Нарцисс, восторг самовлюбленности, / До боли сладостные сны, / Любовь — до смерти, до бездонности, / Всевластность чистой Белизны. // Нарцисс, забвенье жизни, жалости, / Желанье, страстность — до того, / Что в белом — в белом! — вспышка алости, / Забвенье лика своего. // Нарцисс, туман самовнушения, / Любовь к любви, вопрос-ответ, / Загадка Жизни, отражение, / Венчальный саван, белый цвет» («Белый»); см. еще: «Цветы нарцисса» («Точно из легкого камня иссечены...», 1897). Об этой теме у Бальмонта, Блока, Вяч. Иванова см.: *Barta P. I.* Echo and Narcissus in Russian Symbolism // *Metamorphoses in Russian Modernism* / ed. Peter I. Barta. Budapest, 2000. P. 15-40.

Вслед за ним другие поэты разворачивали ремифологизацию соименного цветка (как впоследствии и в стихотворении Ахматовой 1946 года «И время прочь...»¹). Так, например, в стихотворении Веры Станевич:

Нарцисс дрожит в тонкой вазе,
Подобной хрустальному стеблю...
Безнадежно и тайно влюбленный
В свой неведомый лик.

Нарцисс... о, вечерних раздумий
Напев на серебряной лютне,
Вздых снега под лунною лаской
Печальный, неузнанный принц.

Нарцисс: невозможность и вечность;
Томишься ты в мире предельном,
Таишь целомудренно-страстный
Прекрасный, напрасный намек.

Хранитель любви несказанной,
Ты сердце язвишь лепестками,
Безмолвный, изысканно-нежный,
Как лебедь нагорных озер.

Всегда отраженье иного,
Лишь образ того, кто незрим,
Ты цветешь, в тихий сон погруженный...
И беззвучно склоняется венчик,
Умирая в тоске о себе.²

К 1912 году, когда Ахматовой надо было выбрать имя для дебютной книги, сын Лириопеи от Кефиса был воспет неоднократно, например:

¹ См. подробнее: *Тименчик Р. Д.* К вопросу о монтажных процессах в поэтическом тексте // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 855. Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Вып. 23. С. 145–150; абсолютно независимо от этой публикации к абсолютно сходным выводам приходит статья: *Лаврова Н. Л.* Мотив Нарцисса в неотрадиционалистской практике художественного письма // Новый филологический вестник. 2010. № 3(14). С. 89–102.

² Ранние стихотворные опыты Веры Станевич / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива / Сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. М., 2017. С. 378–379.

Светлоликий Нарцис склонился над гладью кристальной;
 Целый мир он увидел в своих просветленных чертах —
 И не мог оторваться, с улыбкой любви на устах,
 От очей божества — от своей красоты идеальной...

Вся вселенная в нем — с этой влагой, лазурно-зеркальной,
 С этой роскошью красок и звуков в ветвях и в волнах;
 Он же весь — во вселенной; с природой он — небо и прах;
 Божество и цветок — в созерцании красы беспечальной.

Как Нарцис, ты поник, в упоении любви, над собою —
 И увидел весь мир ты в очах, освещенных грозой;
 Силой огненной грезы *в себе* ты царишь божеством:

Вся вселенная — ты. Но с тобой не обняться вселенной;
 Но не светишься ты красотой бесстрастия нетленной,
 Не спокойна улыбка, и взор не блестит торжеством.¹

¹ *Верховский Ю. Н.* Нарцис (В. Р. М<енжинском>у) // Зеленый сборник стихов и прозы. СПб., 1905. Курсив «в себе» — авторский. В связи с посвящением естественным образом возникает вопрос о характерологической аналогии адресата и титульного героя. (Нам этот вопрос интересен еще и потому, что в случае полуназванного Нарцисса в стихотворении «И время прочь» также может померещиться моральная оценка адресата). Фигура Вячеслава Менжинского, известного честолюбием и самолюбованием, в его романе (о котором современный историк пишет: «the novel is narcissistic». — *Rayfield D. Stalin and His Hangmen: An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Served Him. New York, 2005. P. 112*), помещенном в том же «Зеленом сборнике», может дать основания для подобных догадок. Заметим, что впоследствии он был зорко внимателен к окружающему миру. В июле 1921 года в ответ на просьбу Луначарского отпустить Блока лечиться за границу Менжинский объяснял Ленину: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории». Блок некогда отзывался о его прозе: «“Роман Демидова”, принадлежащий Вяч. Менжинскому, представляет ряд психологических набросков, иногда живых и бойких, но очень растянутых и похожих друг на друга. Цельного романа не вышло. Все-таки, пожалуй, это во всем сборнике самое жизненное». Впрочем, у самого автора романа автофилии не замечено (или она проявлена в чрезвычайно инвертированной форме): «Только что получил „Зеленый сборник“. Я не разрезал его, не прочел <...>. Это постыдное чувство, но я предпочел бы — чтобы роман не появился. Конечно, это одни разговоры» (*Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. М., 2013. Т. II: Страннолюбский перебарщивает. Сканпель исторар. С. 111).

НАРЦИСС

Волшебно отражен в живой воде потока,
Прекрасен, как звезда Царицы Красоты,
Я не могу свести восторженного ока
С моей безгрешной наготы.
Я знаю, что ко мне наяды и дриады
Сойдутся с трепетом, надеждой и мольбой,
Что Пафья сама, как царственной награды,
Придет просить любви земной.
Но я не буду ждать ни нимфы, ни богини,
Я буду, одинок и счастлив сам собой,
Любить одну игру волшебно чистых линий
В зеркальной глубине под водой.¹

И, наконец, в ряду прочих порываний символистов узнавать себя через Другого² — в бронзовом великолепии иновоплощения Диониса — «Нарцисс (помпейская бронза)» Вячеслава Иванова:

¹ *Святополк-Мирский Д.* Стихотворения, 1906–1910. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 57. Эта книга была в доме супругов Гумилевых — Н. С. Гумилев рецензировал ее: «...возникает сомнение, не нарочно ли автор так сузил свой горизонт, отверг острые переживания и волнующие образы, полюбил самые невыразительные эпитеты, чтобы ничто не отвлекало мысль от главной смены отточенных и полнозвучных строф. Как будто он еще боится признать себя поэтом, и пока мне не хочется быть смелее его» («Письма о русской поэзии». Письмо 18 (IX–X). — *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии / Вступ. ст. Г. М. Фридендера; Подгот. текста и комм. Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 116–117. Впервые: Аполлон. 1911. № 4).

² См.: «Как известно, в освоении человеком мира — и самого себя — превалирует визуальное восприятие. Зрение играет главенствующую роль, остальные чувства используются скорее как вспомогательные инструменты. Но человек не может увидеть свое лицо, а тело видит лишь частично, практически только спереди, да и то не целиком (шею не видит). Представление о “недостающем” он восстанавливает по отражению (с помощью зеркала), но для этого должен научиться операциям сравнения и (само)отождествления. Было уже замечено в связи с мифом о Нарциссе, что смысл его отнюдь не в осуждении самовлюбленности или эгоцентризма. Это миф о “первозеркале” как единственном способе визуального познания самого себя (ср. “Лицо нам заменяют зеркала”, Г. Горбовский). Нарцисс принял себя за *другого*, не зная, что такое отражение, и тем более не зная, что он должен отождествить отражение с самим собой и запомнить/выучить его. А для того, чтобы верифицировать *свое* отражение, надо убедиться, что зеркало верно отражает *другого*. Таким образом, визуальное познание самого себя возможно только через посредника» (*Цивьян Т.* Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира // Тело в русской культуре: Сб. статей / Сост. Г. И. Кабакова и Ф. Конт. М., 2005. Ч. 1. С. 43–44).

Кто ты, прекрасный? В лесах, как Сатир одинокий, ты бродишь,
 Сам же не чадо дубрав: так благороден твой лик.

Прелесть движений пристойных, убранной обуви пышность —
 Все говорит мне: ты — сын вышних иль смертных царей.

Чутко, свой шаг удержав, ты последовал тайному звуку
 Стройным склоненьем главы, мерным движеньем перста:

Пана ли вял ты свирель, иль Эхо влюбленные стоны?
 Говор ли резвых Наяд? шопот ли робких Дриад?

Праздную руку, едва оперев о бедро, прихотливо
 Легким наплечным руном ты перевил, как Лиэй:

Дивный, не сам ли ты Вакх, лелеемый нимфами Низы,
 Ловчий, ленивец нагой, нежных любимец богинь?

Или ты — гордый Нарцисс, упоенный мечтой одинокой,
 В томном блуждающий сне, тайной гармонии полн?

К нимфе зовущей иди, ты доселе себя не познавший,
 Но не гляди, наклонясь, в зеркало сонной волны!

Ах, если ты не Нарцисс, то свой лик отраженный увидев,
 О незнакомце, — дрожу, — новый ты станешь Нарцисс.

[Иванов 1904,81]⁴

Ближайшей по времени к выходу «Вечера» публикацией была драматическая сценка Т. Л. Щепкиной-Куперник с наработанной веками техникой отзвука:

Нарцисс (*хочет снять одежду, но слышит голос Эхо: —*
«Нарцисс!»).

Кто призывает Нарцисса? Есть ли кто здесь?..

Голос Эхо. Здесь... здесь!..

Нарцисс. Слышу твой голос, но кто ты? Иди же сюда!..

Голос Эхо. Сюда!..

Нарцисс. С чем ты приходишь ко мне? Кто ты мне — враг
 или друг?

Голос Эхо. Друг!..

⁴ Иванов В. Прозрачность: Вторая книга лирики. Москва: Скорпион, 1904. С. 81. См. подробный разбор: Грякалова Н. Ю. «Dioniso cosiddetto Narciso» (К интерпретации стихотворения Вяч. Иванова «Нарцисс. Помпейская бронза») // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы: [Сб. статей] / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2016. Вып. 2. С. 71–78.

Нарцисс. Если ты друг, покажись — что ты бежишь от меня!

Голос Эхо. Ты бежишь от меня!

Нарцисс. Нет, я жду здесь — откликнись!

Голос Эхо. Откликнись!

Нарцисс. Иль на встречу тебе я иду!..

Голос Эхо. Иду!..

(Появляется Эхо).

Нарцисс. Здравствуй в приюте моем, кто б ни была ты, о дева!

Я не встречал тебя ране: смертная ты или нимфа?

Эхо. Нимфа!..

Нарцисс. С нимфами любо подчас мне тешиться резвой игрою:

Хочешь ли, будем играть, юная нимфа, с тобою?

Эхо. С тобою!..

Нарцисс. Хочешь ли камни метать? в беге давай состязаться?

Может быть, луком владеешь, если ты нимфа Дианы?

Нимфы подруги мои, но любо мне только играть!

Эхо. Только играть!..

Нарцисс. Но иногда мне они становятся прямо докучны:

Плачут и бьют себя в грудь и твердят, что «любовь — это все»!

Эхо *(стыдливо беря его за руку и стараясь притянуть к себе)*. Любовь — это все!..

Нарцисс *(нахмуясь)*. И ты такая ж как все! Но я никого

не люблю.

Эхо *(обнимая его)*. Люблю!

Нарцисс. Кто ты? Что хочешь? Скажи! Я ведь не знаю тебя!

Эхо. Тебя!..

Нарцисс *(вырываясь)*. Не обнимай меня! Прочь! Не хочу

я объятий любовных!..

Чем полюблю я, о знай, дева, скорей я умру!

Эхо *(убегая в отчаянии)*. Я умру!.. *(Скрывается)*.

<...>

Нарцисс. Как в утренний час на заре испаряются капли росы,

Так же растаю и я, изнуренный безумною страстью,

Снедаемый тайным огнем, коему выхода нет.

Сил уже нет у меня... пропадает моя красота...

Померкли глаза, и увяли уста, и поблекли ланиты.

Исчезни скорей навсегда то, что любили во мне.

Лягу сюда на траву усталой своей головою.

Ближе, поближе к тебе. Пусть смерть смежит мои очи.

Горе мне, горе мне, горе!..

Эхо *(приближаясь)*. Горе мне, горе мне, горе!

Нарцисс. Напрасно любимый, желанный!..

Эхо. Напрасно любимый, желанный!

Нарцисс. Я от любви умираю... Прощай, о любимый,
прощай! (*Умирает*).

Эхо (*обнимая его, рыдает*). Прощай, о любимый, прощай!

(*На стон Эхо сбегаются Нимфы и видят, что Нарцисс умер*).

Нимфы. Умер, умер Нарцисс?..

Эхо. Умер, умер Нарцисс.

И финал:

2-я Нимфа. Сестры, сложим костер, обряд погребальный
свершим:

Зажжем погребальный светильник.

3-ья Нимфа. Но где же... Где же Нарцисс?..

Чудо, о сестры, смотрите! Боги его изменили!

Вместо Нарцисса явился нежный красивый цветок...

Эхо. Нежный, красивый цветок!..

2-я Нимфа. Строен и бел, как Нарцисс, будет он нравиться
девам,

Будет подобен ему нежной своей красотой.

3-ья Нимфа (*к Нимфам*). Не умер — в цветок обратился
юный прекрасный Нарцисс!..

2-я Нимфа. Пусть ему будет названьем сладкое имя Нарцисс!..

Эхо. Нарцисс!.. Нарцисс!..¹

Для юной Ахматовой — сторонницы, как и Щепкина-Куперник, женского равноправия — было естественно полемически сместить акцент на точку зрения другой страдающей стороны, как это она делала в этюдах «Читая Гамлета»

¹ Щепкина-Куперник Т. Нарцисс и Эхо. На мотив из метаморфоз Овидия // Новый журнал для всех. 1912. № 2. С. 67–78; посвящение: «Маргарите Николаевне Маргулиес. В память тихого летнего дня, в память зеленого сумрака на реке и покачивавшейся в такт гекзаметру лодки, в память синих глаз Лириопеи посвящает Автор». М. Н. Маргулиес (ур. Бернштейн) — жена (в первом своем браке) известного адвоката и общественного деятеля Мануила Маргулиеса (заметим, что Щепкина-Куперник во втором браке была также женой видного адвоката Н. Б. Польшова). В этой связи без особой необходимости для комментария приходится вспомнить фразу Ахматовой, приведенную в «Рассказах» А. Наймана: «Про Лермонтова можно сказать “мой любимый поэт”, сколько угодно, — заметила она однажды. — А про Пушкина — это все равно, что “кончаю письмо, а в окно смотрит Юпитер, любимая планета моего мужа”, как догадалась написать Раневской Щепкина-Куперник» (*Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 209*).

(датированными ею позднее 1909-м годом), говоря от имени Офелии.¹ Среди живописных прославлений нимфы в пору ахматовского детства стоит указать на картину чешского живописца Альберта Зейферта «Эхо» (полнотелая, взятая со спины, в прозрачном хитоне, обхватившая одной рукой ствол дерева, а другую подносящая рупором ко рту) и стихотворную подпись Александры Линдегрен под репродукцией с нее в журнале «Всемирная иллюстрация» (1897. № 1487):

...Вдруг затишье огласилось
Взрывом радостного смеха:
Под скалою притаилось
Гор загадочное эхо.
Вдалеке, в тени платана,
От восторга сладко млея,
Различил я очерк стана
Снега чистого белее.
Простирал я к ней объятия,
Обезумевший, счастливый...
Но нигде не мог сыскать я
Феи эха шаловливой!²

Но традиционно нимфа изображалась более пассивной, прекрасной именно в своей слабости и исчезновении. В живописи Никола Пуссен в своем луврском полотне «Нарцисс и Эхо», которое могла видеть в 1910–1911 годах Ахматова, как считается, первым соединил сцену смерти Нарцисса с фигурой отчаявшейся угасающей Эхо, погубленной непреодолимым эгоцентризмом юноши³: зрители высматривают черты метаморфозы, как она «медленно преобразуется

¹ См.: *Goldman H. A. Anna Axmatova's Hamlet: The Immortality of Personality and the Discontinuity of Time // The Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22. No. 4. P. 484–493; Елагин И.* Об одном стихотворении Ахматовой // *Studies in Slavic Literatures and Culture in Honor of Zoia Yuriiff / Ed. by M. Sendich. Michigan, 1988. P. 99–102.* Из новейшей литературы об этом цикле см.: *Михайлова Г.* Анна Ахматова на пути к обретению самости: От Офелии к Лиззи Сиддал // *Literatūra. 2016. № 58 (2). P. 18–33.*

² 1001 поэтесса Серебряного века: В 3 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья В. Кудрявцева. М., 2019. Т. 1. С. 53–54. В этой связи упомянем и позднейший этюд Зинаиды Серебряковой «Нарцисс и нимфа Эхо» (1916–1917), готовившийся по частному заказу для московского особняка и, возможно, хранившийся в собрании И. И. Рыбакова, доброго знакомого Ахматовой.

³ *Friedlaender W. F. Nicolas Poussin: A New Approach. New York, 1966. P. 48.*

в камень»,¹ «чахнет, кости ее превращаются в камень, и только голос ее, “эхо”, остается»,² «ноги давят в трещины-прожилки глыбы, которая принимает ее в себя, лицо тает, рот открывается расселиной, чтоб выдохнуть отмененный голос, глаза более не видят».³

В 1911 году присущее эпохе ощущение трагизма внес в образ античной персонификации злосчастной любви Сергей Дягилев в постановке «Нарцисса» в Монте-Карло (напомним, что «свидетельницей первых триумфов русского балета» называла себя Ахматова), которая так описывалась историками балета:

Издали слышались его песня и голос повторяющей ее нимфы Эхо. Нарцисс вбегал на сцену, девушки окружали прекрасного юношу, а из-за скал показывалась печальная, безнадежно влюбленная Эхо. Ревнивые девушки раскрывали тайну Эхо, и Нарцисс забавлялся, заставляя нимфу повторять каждое его движение. Разгневанная Эхо просила у богов мести, но, когда юноша, склонясь над ручьем, влюблялся в свое отражение и погибал, она, мучимая раскаянием, превращалась в камень.

Сюжет предопределял статику действия. Проклятье тяготело над героями, и оба подчинялись его роковой власти. Нарцисс тянулся к ручью, принимал перед ним всевозможные позы. Нимфа Эхо почти не имела самостоятельной пластики, а лишь повторяла жесты Нарцисса.⁴

Тамара Карсавина исполняла в этой постановке партию Эхо, и она вспоминала: «Как-то раз после репетиции, за которой он наблюдал из партера, Дягилев обронил несколько слов по поводу моего исполнения роли Эхо: “Не прыгайте,

¹ *Marin L. Sublime Poussin / Trans. by C. Porter. Stanford, 1999. P. 166–167.*

² *Verdi R., Rosenberg P. Nicolas Poussin 1594–1665, London, 1995. P. 172.*

³ *Marin L. Sublime Poussin. P. 166–167.*

⁴ *Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века. Л., 1971. Ч. 1: Хореографы. С. 364. Рисунок статичных поз был заимствован с ваз и саркофагов (Фоксин М. М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. Сценарии и замыслы балетов; Статьи, интервью и письма / [Вступ. ст. и комм. Г. Н. Добровольской]. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1981. С. 354). Нарцисс — Вацлав Нижинский, вероятно, послужил образцом для танцовщика Поля Тевна, исполнившего «Смерть Нарцисса» в «Бродячей собаке» в 1913 году (Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник: На 1983 год. Л., 1985. С. 210).*

как легкомысленная нимфа; я вижу скорее изваяние, трагическую маску, Ниобею". И, подчеркнув последнее слово, ушел».¹

В той же парижской поездке 1911 года Ахматова, как она пишет в очерке о Модильяни, вспоминала строки «бес-смертной» вийоновской баллады о дамах былых времен, где в каталоге красавиц, исчезнувших, как прошлогодний снег, значилась и эта:

Écho, parlant quand bruit on mène
Dessus rivièrè ou sur étang...

(В переводе Николая Гумилева:

Где Эхо, гулом разговора
Тревожащая лоно рек...»).

«Могила Эхо», возможно, указывает не на овидиевскую версию мифа (там истощалось тело нимфы, от нее оставались лишь голос и кости, превратившиеся в камни, и она скрывалась в лесу, невидимая с той поры), а на рассказ Дафниса Хлое, в котором нимфа гибнет из-за гнева Пана, —

...песням ее он завидовал, красота же ее была для него недо-ступна, — и в безумие вверг пастухов, что коз пасли и овец. Как злые собаки иль волки, они ее растерзали и члены тела ее, — а все еще пело оно, — по всей разметали земле. Но песни ее нимфам в угоду скрыла Земля в лоне своем и напев сохранила; и по воле Муз подает она голос, всему подражая, как некогда девушка всем подражала: богам и людям, инструментам, зверям, — даже и Пану, когда на свирели играть он начнет. И он, услышав, вскочит и долго бежит по горам, поймать не надеясь, но только желая узнать, кто же такой этот тайный его ученик (Перевод С. П. Кондратьева).²

¹ Карсавина Т. П. Театральная улица: Воспоминания / Пер. с англ. Г. Гулявицкой, под ред. И. Ступникова. Л., 1971. С. 187.

² Не отозвался ли, хоть и косвенно, этот рассказ в стихотворной надписи Федору Сологубу (1912), которой Ахматова отметила новонареченный «Вечер»: «Твоя свирель над тихим миром пела, / И голос смерти тайно вторил ей, / А я, безвольная, томилась и пьянела / От сладостной жестокости твоей?» (Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома: На 1974 год. Л., 1976. С. 54). Об отражении мотивов романа Лонга у русских модернистов см. заметку «Хлоя»: Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 1. С. 122–126.

Могила Эхо — Земля, и этому, возможно, вторит ахматовский *pointe* в стихотворении из «Вечера»:

Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.
(«Я пришла сюда, бездельница...», 1911)¹

Эхо должна была стать первой по времени объявленным двойником Ахматовой, предшествуя трем другим античным маскам трагической любви — Кассандре, Федре, Дидоне.² Героиня «Вечера», подобно овидиевской героине,³ впадает в эхोलалию, и наиболее «программным» в этом смысле было эхо-рифмующее стихотворение 1910 года:

...Хочешь знать, как всё это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это всё... Ах нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Ещё тогда!» —
«Да»?!...⁴

Осколками акустических и визуальных фантомных отражений (любовь к ним прямо продекларировал Иннокентий Анненский в «Кипарисовом ларце»: «Я люблю замирание эха /

¹ В. А. Чудовский заметил об этой концовке стихотворения «Я пришла сюда, бездельница»: «...слишком книжно для предшествующей прелестной грациозной картины» (*Чудовский В.* По поводу стихов Анны Ахматовой // *Аполлон.* 1912. № 5. С. 50).

² *Цивьян Т. В.* Кассандра, Дидона, Федре: Античные героини — зеркала Ахматовой // *Литературное обозрение.* 1989. № 5. С. 29–33.

³ См., например: «Крикнул: “Здесь кто-нибудь есть?” И, — “Есть!” — ответила Эхо» (перевод С. В. Шервинского). О проекции оптической возвратности у Нарцисса на голосовую ось у Эхо см.: *Pellizer E.* Reflections, Echoes and Amorous Reciprocity: On Reading the Narcissus Story / Transl. by D. Crampton // *Interpretations of Greek Mythology* / Ed. by J. Bremmer. London, 1990. P. 113–114.

⁴ См. немедленный отзыв критики: «вот что “поэт” Анна Ахматова: <...> С точки зрения тех, кто воспитан на Пушкине и Лермонтове, кто привык к поэзии другого рода, — подобные стихи, по меньшей мере, странны. Но... ведь мы все еще переживаем эволюцию поэзии» (*Ивич И.* <*И. И. Гурвич*>. «Цех поэтов» // *Изв. книжных магазинов М. О. Вольфа по литературе, наукам и библиографии.* 1912. № 4. С. 89). Сама Ахматова в 1920-е годы оценивала это стихотворение отрицательно, см. в: *Лукинцкий П. Н.* *Asumiana: Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Париж; М., 1997. Т. II. С. 226.*

После бешеной тройки в лесу...» («Я люблю» из «Трилистника замирания»)), перетекающих друг в друга, и звуковыми *diminuendo* изобилуют истории несчастных любовей в «Вечере»:

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов...
(«Смуглый отрок бродил по аллеям...»)
Завтра мне скажут, смеясь, зеркала... («Музе»)
А за окном шелестят тополя...
(«Сероглазый король»)
Весна, как трель серебряного смеха...
(«Сегодня мне письма не принесли...»)
И как во сне я слышу звук виолы...
(«Вечерняя комната»)
И замирает острый крик... («Сад»)
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой. («Белой ночью»)
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!..»
(«Песня последней встречи»)

Эхоическая редупликация идет рядом с мотивом отвергнутой любви, а истлевание тела иконически передается укорочением стиха:

Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.
<...>
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима. («Память о солнце в сердце слабеет...»)

«Античный» же фон всему сборнику придан одним штрихом:

Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.
(«И мальчик, что играет на волынке...»)

Как показано в известной книге поэта и филолога Джона Холландера,¹ сопутствующие теме Эхо лексические и фонетические повторы, подхваты, рефрены, ослышки, гулы и, наконец, плач — все они своим скоплением в сборнике «Вечер» прямо вызывают, как говорит Холландер, «патронессу этих приемов, самое Эхо».

К 1965 году, когда сделана запись о висбаденской книжке, Ахматова не раз и не два обращалась к теме говорящего эхо, подхватывая мотивы иноземных² и отечественных классиков³ и современников — «Сейчас нашла эпиграф для моего стих<отворения> Борису [Пастернаку]: “Как птице, мне ответит эхо” (“Умолк вчера неповторимый голос”)» (с. 181). Постепенно тема стала навязчивой —

Сама себя считая только эхом
Пещерным непонятым и ночным (С. 46),

Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний (С. 46),

И опять тот голос знакомый,
Словно эхо горного грома,

¹ *Hollander J. The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton and After. University of California Press, 1981. P. 23–61.*

² Мы имеем в виду прежде всего Китса, чтение которого Ахматова отмечала в автобиографии (С. 666), говорила о нем: «поэт последней стройности, которой после него ни у кого уже не было» (*Ивановский Игн. Анна Ахматова // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. С. 621*), «преподавала» его начинающим поэтам: «Н. Я. [Мандельштам] распевно, прямо-таки трубным голосом, словно сама это сочинила, по просьбе Ахматовой прочла нам “Оду к соловью”. Обе они переводили и поясняли каждую строку. Ахматова рассказывала о жизни Китса» (*Берестов В. Д. Избранные произведения: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 240*). Речь идет о стихотворении «I stood tip-toe upon a little hill» (1817), где «Китс заставляет поэта набрести на пониклый нарцисс и в акте вчувствования создать из этого наблюдения сказку. Такой визуализацией творческого момента Китс отрицает божественное происхождение и моральное содержание мифа, делая его человеческим изобретением и, что самое важное, эстетическим, а не этическим или психологическим символом» (*Vinge L. The Narcissus Theme in Western European Literature up to the Early 19th Century. С. 328*).

³ Об отголоске державинского «Эхо» см.: *Тименчик Р. Д. Ахматова и Державин (заметки к теме) // Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica, Festschrift Professor Ilya Serman / Ed. by W. Moskovich, Sh. Schwarzband, M. Weiskopf, V. Khazan. Jerusalem—M., 2004. С. 307–308, 310.*

Наша слава и торжество!..
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, родившей его (С. 64),

Меняется, множится, вьется
Лишь эхом глухим отдается (С. 91),

Но где голос мой и где эхо (С. 107),

Одни сразу слышат это эхо, этот второй шаг (С. 108),
...звучит второй шаг, эхо, считая себя самым главным,
говорит свое, а не повторяет чужое (С. 137),

Так не прячут, весь мир наполняя
Тенью тени и эхом таким (С. 239)

— и Ахматова даже предлагает пародийное издательство «Эхо» для домашнего, «самиздатского» сборника стихотворений, не прошедших в печать (С. 173).

Но, пожалуй, самым выразительным примером тут может служить сочинение не ахматовское, но вызвавшее у нее желание апроприировать его (« — Это я должна была написать, — с силой, даже досадой сказала мне Анна Андреевна») ¹:

Одно я знаю точно — все кошмары
приводят к морю.

— К морю?

— К огромной раковине в горьких отголосках,
где эхо выкликает имена —
и все поочередно исчезают.

И ты идешь один... из тени в сон.

от сна — к рыданью,
из рыданья — в эхо...

И остается эхо.

— Лишь оно?

¹ Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 460. См. письмо Иосифу Бродскому от 15 февраля 1965 года: «Я умираю от черной зависти. Прочтите “Ин<остранную> лит<ературу>” № 12 — “Дознание” Леона Фелипе... [Я от э] Там я завидую каждому слову, каждой интонации. Каков старик. И каков переводчик. Я еще таких не видывала» (С. 588); «Непосредственная реакция была: “Каков старик!” — и: “Завидую, что не я”, и восхищение переводом Гелескула» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 28–29).

— Мне показалось: мир — одно лишь эхо,
а человек — какой-то всхлип...

— И все?

И это все? Какой-то всхлип — и только?¹

Долгая дорога от хрупкой сберегательницы слов жестокосердного возлюбленного к мирозданию как беспощадному эхо — так может быть описан более чем полувековой путь ахматовской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грякалова Н. Ю.* «Dioniso cosiddetto Narciso» (К интерпретации стихотворения Вяч. Иванова «Нарцисс. Помпейская бронза») // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы: [Сб. статей] / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2016. Вып. 2. С. 71–78.
2. *Елагин И.* Об одном стихотворении Ахматовой // *Studies in Slavic Literatures and Culture in Honor of Zoya Yurieff* / Ed. by M. Sendich. Michigan, 1988. P. 99–102.
3. *Красовская В. М.* Русский балетный театр начала XX века. Л., 1974.
4. *Лаврова Н. Л.* Мотив Нарцисса в неотрадиционалистской практике художественного письма // *Новый филологический вестник*. 2010. № 3(14). С. 89–102.
5. *Михайлова Г.* Анна Ахматова на пути к обретению самости: От Офелии к Лиззи Сиддал // *Literatūra*. 2016. № 58 (2). P. 18–33.
6. *Парнис А., Тименчик Р.* Программы «Бродячей собаки» // *Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология*. Ежегодник: На 1983 год. Л., 1985. С. 160–257.
7. *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. М., 2013. Т. II. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар.
8. *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома: На 1974 год*. Л., 1976. С. 53–82.
9. *Тименчик Р. Д.* Ахматова и Державин (заметки к теме) // *Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica, Festschrift Professor Plya Serman* / Ed. by W. Moskovich, Sh. Schwarzband, M. Weiskopf, V. Khazan. Jerusalem–M., 2004. С. 305–310.

¹ *Фелипе Л.* Дознание / Пер. А. Гелескула // *Иностранная литература*. 1964. № 12. С. 120.

10. *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 1. С. 107–128.
11. *Тименчик Р. Д.* К вопросу о монтажных процессах в поэтическом тексте // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 855. Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Вып. 23. С. 145–150.
12. *Тименчик Р. Д.* О составе сборника Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец» // Вопросы литературы. 1978. № 8. С. 307–315.
13. *Цивьян Т. В.* Кассандра, Дидона, Федра: Античные героини — зеркала Ахматовой // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 29–33.
14. *Цивьян Т.* Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира // Тело в русской культуре: Сб. статей / Сост. Г. И. Кабакова и Ф. Конг. М., 2005. Ч. 1. С. 38–48.
15. *Barta P. I.* Echo and Narcissus in Russian Symbolism // *Metamorphoses in Russian Modernism* / Ed. by Peter I. Barta. Budapest, 2000.
16. *Buber-Neumann M.* Mistress to Kafka: The Life and Death of Milena. London, 1966.
17. *Friedlaender W. F.* Nicolas Poussin: A New Approach. New York, 1966.
18. *Goldman H. A.* Anna Axmatova's Hamlet: The Immortality of Personality and the Discontinuity of Time // *The Slavic and East European Journal*. 1978. Vol. 22. No. 4. P. 484–493.
19. *Hollander J.* The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton and After. University of California Press, 1981.
20. *Krumbiegel-Esselborn H.* Das Narziß-Thema in der symbolistischen Lyrik // *Arcadia*. 1980. Vol. 15. P. 278–294.
21. *Marin L.* Sublime Poussin / Trans. by C. Porter. Stanford, 1999.
22. *Pellizer E.* Reflections, Echoes and Amorous Reciprocity: On Reading the Narcissus Story / Transl. by D. Crampton // *Interpretations of Greek Mythology* / Ed. by J. Bremmer. London, 1990. P. 107–120.
23. *Rayfield D.* Stalin and His Hangmen: An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Served Him. New York, 2005.
24. *Seaton B.* Towards a Historical Semiotics of Literary Flower Personification // *Poetics Today*. 1989. Vol. 10. No. 4. P. 679–701.
25. *Verdi R., Rosenberg P.* Nicolas Poussin 1594–1665, London, 1995.
26. *Vinge L.* The Narcissus Theme in Western European Literature up to the Early 19th Century. Lund, 1967.

REFERENCES

1. *Barta P. I.* Echo and Narcissus in Russian Symbolism // *Metamorphoses in Russian Modernism* / Ed. by Peter I. Barta. Budapest, 2000.

2. *Buber-Neumann M.* Mistress to Kafka: The Life and Death of Milena. London, 1966.
3. *Elagin I.* Ob odnom stikhotvorenii Akhmatovoi // Studies in Slavic Literatures and Culture in Honor of Zoia Yurieff / Ed. by M. Sendich. Michigan, 1988. P. 99–102. (In Russ.)
4. *Friedlaender W. F.* Nicolas Poussin: A New Approach. New York, 1966.
5. *Goldman H. A.* Anna Axmatova's Hamlet: The Immortality of Personality and the Discontinuity of Time // The Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22. No. 4. P. 484–493.
6. *Gryakalova N. Yu.* «Dioniso cosiddetto Narciso» (K interpretatsii stikhotvoreniya Vyach. Ivanova «Nartsiss. Pompeiskaya bronza») // Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy: [Sb. statei] / Otv. red. K. Yu. Lappo-Danilevskii, A. B. Shishkin. SPb., 2016. Vyp. 2. S. 71–78. (In Russ.)
7. *Hollander J.* The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton and After. University of California Press, 1981.
8. *Krasovskaya V. M.* Russkii baletnyi teatr nachala XX veka. L., 1971. (In Russ.)
9. *Krumbiegel-Esselborn H.* Das Narziß-Thema in der symbolistischen Lyrik // Arcadia. 1980. Vol. 15. P. 278–294.
10. *Lavrova N. L.* Motiv Nartsissa v neotraditsionalistskoi praktike khudozhestvennogo pis'ma // Novyi filologicheskii vestnik. 2010. № 3(14). S. 89–102. (In Russ.)
11. *Marin L.* Sublime Poussin / Trans. by C. Porter. Stanford, 1999.
12. *Mikhailova G.* Anna Akhmatova na puti k obreteniyu samosti: Ot Ofelii k Lizzi Siddal // Literatūra. 2016. № 58 (2). P. 18–33. (In Russ.)
13. *Parnis A., Timenchik R.* Programmy «Brodyachei sobaki» // Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik: Na 1983 god. L., 1985. S. 160–257. (In Russ.)
14. *Pellizer E.* Reflections, Echoes and Amorous Reciprocity: On Reading the Narcissus Story / Transl. by D. Crampton // Interpretations of Greek Mythology/ Ed. by J. Bremmer. London, 1990. P. 107–120.
15. *Rayfield D.* Stalin and His Hangmen: An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Served Him. New York, 2005.
16. *Seaton B.* Towards a Historical Semiotics of Literary Flower Personification // Poetics Today. 1989. Vol. 10. No. 4. P. 679–701.
17. *Sobolev A. L.* Leteiskaya biblioteka: Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka. M., 2013. T. II. Strannolyubskii perebarshchivaet. Skonapel' istoar. (In Russ.)
18. *Timenchik R. D.* Akhmatova i Derzhavin (zametki k teme) // Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica, Festschrift Professor

- Ilya Serman / Ed. by W. Moskovich, Sh. Schwarzband, M. Weiskopf, V. Khazan. Jerusalem–M., 2004. S. 305–310. (In Russ.)
19. *Timenchik R. D.* Iz imennogo ukazatelya k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi // Letnyaya shkola po russkoi literature. 2021. T. 17. № 1. S. 107–128. (In Russ.)
 20. *Timenchik R. D.* K voprosu o montazhnykh protsessakh v poeticheskom tekste // Uch. zap. Tartuskogo un-ta. Vyp. 855. Trudy po znakovym sistemam. Tartu, 1989. Vyp. 23. S. 145–150. (In Russ.)
 21. *Timenchik R. D.* O sostave sbornika Innokentiya Annenskogo «Kiparisovyi larets» // Voprosy literatury. 1978. № 8. S. 307–315. (In Russ.)
 22. *Timenchik R. D., Lavrov A. V.* Materialy A. A. Akhmatovoi v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma: Na 1974 god. L., 1976. P. 53–82. (In Russ.)
 23. *Tsiv'yan T.* Otnoshenie k sebe i k svoemu telu v russkoi modeli mira // Telo v russkoi kul'ture: Sb. statei / Sost. G. I. Kabakova i F. Kont. M., 2005. Ch. 1. S. 38–48. (In Russ.)
 24. *Tsiv'yan T. V.* Cassandra, Didona, Fedra: Antichnye geroini — zerkala Akhmatovoi // Literaturnoe obozrenie. 1989. № 5. S. 29–33. (In Russ.)
 25. *Verdi R., Rosenberg P.* Nicolas Poussin 1594–1665, London, 1995.
 26. *Vinge L.* The Narcissus Theme in Western European Literature up to the Early 19th Century. Lund, 1967.